

Часть первая

МЯТЕЖНИКИ И ВРЕДИТЕЛИ

ГЛАВА 1

Он партиец. И я партиец. Но теперь мы по разные стороны баррикад. Притом фатально для одного из нас. Потому как сейчас он — сотрудник республиканского контрольно-исполнительного органа власти, а я закоренелый террорист. И мои боевые товарищи — террористы. А все вместе мы — терроргруппа.

Вот в результате такого странного загиба бытия я и жду в кустах около дороги его, Михайло Нечитайло, ответственного работника Рабоче-крестьянской инспекции Украинской ССР. В его обязанности входит коренизация и украинизация республики, и этому нелегкому делу он предан до фанатичности.

Обычно вылазки на подведомственную территорию этот советский чиновник совершает в гордом одиночестве. Волевым решением оставляет за бортом своего персонального автомобиля положенного ему по штату личного шофера. Последний жалобно скулит о своей ответственности за технику и транспортируемую персону, но разжалобить твердокаменного начальника ему пока не удалось ни разу.

Нечитайло нравится самому небрежно крутить рулевое колесо и нестись на максимальной скорости по украинским дорогам, от которых часто осталось одно название. Сейчас время для автомобильных путешествий вполне подходящее: припекло майское солнышко, подсушив непроходимую черноземную грязь и связав населенные пункты вполне преодолимыми колесным транспортом путями.

Как там в поговорке: «Машиной овладеешь — легче путь одолеешь!»? Вот и одолевает Нечитайло дальние пути, возникая как черт из табакерки то здесь то там, сея то панику, то отчаянье среди тех представителей соваппарата, кто не сумел «коренизироваться» и освоить тонкости украинского языка и культуры. Сейчас он бодро направляется в Новоникольский район, где его ждали с содроганием.

Впрочем, причины этих индивидуальных автопробегов лежали не столько в любви коренизатора-украинизатора к простору и скорости, сколько в желании удалиться от чужих любопытных глаз в укромные места на каких-нибудь отдаленных хуторах. Зачем? Встреча! Как много в этом слове слилось для тех, кто профессионально играет в хитрые агентурно-оперативные игры.

Я извлек из кармашка просторной рабочей куртки часы-луковицу. Стрелка двигалась непозволительно медленно, но оно и неудивительно. В засадах, в тягостном ожидании, время всегда замедляет свой ход, чтобы потом компенсировать это отстава-

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

ние тем, что понесется в галоп, когда настанет пора действовать.

Эх, главное, чтобы наводка сработала. Но те, кто ее давал, пока что в промахах не замечены.

— Припозднился, сучий потрох, — скривился Петлюровец, присевший на корточки рядом со мной, приподнимая стволом револьвера козырек вечно сползающей на нос широкой кавказской кепки. Он был раздражен, как и обычно, когда долго не имел возможности затянуться папиросой или, на самый крайний случай, самокруткой с доброй махорочкой. А в засаде не курят. В засаде ждут.

Неторопливо протащила по дороге крестьянская подвода с горшками, на которой сидел старик в чистой холщовой рубаше, широких портах и лаптях. За ней весело бежали два босоногих пацаненка. Двигайте побыстрее отсюда! Нам только посторонних здесь не хватало!

Ну же! Где ты, чертов автомобилист-коренизатор?!

Прошло еще пять минут. И чарующей музыкой прозвучал для моих ушей долгожданный нарастающий рокот автомобильного мотора.

Из-за деревьев появился зеленый двухместный французский «Сенешаль» с откидным верхом. Трофеей польской войны двадцатого года. Но еще ездит, притом достаточно шустро. Крепкая машинка и ремонтпригодная. До поры до времени. Ведь чем хороши для специалистов нашего профиля автома-

шины — их легко обездвижить, всадив в двигатель меткую пулю.

Время пришло! Встаю во весь рост. Вскидываю «мосинку». И безукоризненно точно разношу одним выстрелом двигатель. Тот чихает. Захлебывается. Машина виляет в сторону, зарывается носом в жесткий придорожный кустарник. Из нее выпрыгивает перепуганный незнакомый знакомец с явным намерением задать стрекача.

— Стоять! — кричу я, для острастки еще раз пуля в воздух.

Водитель «Сенешаля» резко вскидывает руки, кричит что есть силы:

— Не стреляй! Сдаюсь!

Так он и застыл около машины, подняв руки вверх и затравленно рассматривая подходящую к нему троицу. Никого из нашей группы он не видел раньше — ни меня, ни Петлюровца, ни Одессита. Ну вот и повод познакомиться — «нечаянная» встреча на сельской проселочной дороге.

— Не доехал, комиссар? Бывает, — хохотнул Петлюровец, снова поправив кепку стволом нагана и им же тыкая в грудь пленнику.

Нечитайло был полноват, курчав, черноволос, с пронзительными карими глазами. Одет форсисто, в стиле «шофер авто»: кожаная куртка, кожаный шлем, кожаные очки-консервы.

— Товарищи... Господа... — сбился он, все еще надеясь взять ситуацию под контроль. — Вы что-

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

то напутали! Я не комиссар. Я учитель украинского языка!

— Как на собраниях — то комиссар, а как в степи — то учитель, — кивнул Петлюровец. — Чему учишь? Как москалю сподручнее вильну Украину в рабстве держать?

— Да я за нее, за нэньку Украину, всю жизнь положил! — искренне возмутился Нечитайло.

Тут разверзлись хляби небесные, и потопом хлынули слова. Видя, что дело пахнет керосином, он многословно и с готовностью принялся унижаться, умолять. Долдонил, что в душе всегда был против советской власти. Готов сотрудничать ради ее поражения. Да что там готов — уже сотрудничает с поляками, от которых, если что с ним случится, нам не поздоровится, из-под земли достанут. Зато если согласимся его отпустить и расцеловать при этом в обе щеки — так Польша за этот благой жест завалит нас оружием и деньгами на подрыв советской власти. В общем, вербовал нас как только мог.

Про Польшу — это интересно. Тут стоит расспросить его поподробнее. Пусть даже теряя время и рискуя, что на дороге появятся ненужные нам свидетели.

Страх за свою жизнь что-то сдвинул в мозгах «коренизатора». Он легко выдавал явки и пароли. Может, они и пригодятся нам когда-нибудь. Во всяком случае, Петлюровец, засунув за пояс наган, добросовестно, со сноровкой стенографиста фиксировал откровения карандашом в свой блокнот.

— Готов все сделать! Мы с вами на одном корабле! — в итоге совсем приободрился советский чиновник. Он знал, что в этих лесах пошаливают украинские националистические шайки, и теперь всей душой был готов примазаться к одной из них.

— Не интересуется, — огласил я вердикт и отошел в сторону, сделав условленный знак рукой.

Нечитайло еще не знал, что мы пришли не за его готовностью к сотрудничеству, а за его жизнью. За жизнь моего некогда соратника по партии большевиков. Его беда в том, что он в расстрельном списке. Который нами исполняется неукоснительно и неотвратно.

Петлюровец с пониманием кивнул... Хлыстом щелкнул револьверный выстрел. Я вздрогнул, как будто попали в меня.

Сделали. Сработали. Как же ненавидел я сейчас сам себя... Хотя все меняется, и от ненависти до любви один шаг. Так что я еще буду иметь возможность возлюбить себя. Когда смою грязь от вынужденных злодейств. А пока прочь посторонние чувства!

Пора уходить. Записочку не забыть на месте преступления оставить, чтобы не забывали и не расслаблялись. «Нет — Украине пролетарской! Да — Украине украинской! Народный защитник Указчик».

Завтра нас ждут новые подвиги. Поджигать Малороссию, раздувать искры народного гнева, взрослого на зернозаготовках и коллективизации

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

с выселениями. Пепел Свободной Украины стучит в мое сердце, как пепел Клааса стучал в сердце средневекового революционера Тиля Уленшпигеля. В общем, Украина будет свободной!..

ГЛАВА 2

Жаркое солнце июня 1931 года высушивало землю. Дождей не было, зной изнурял. Но дела у шайки Указчика шли неплохо.

Вчера подломили кассу Потребкооперации в сонном райцентре Завойск. Заявились туда со всей дури всей толпой. Пальнули пару раз для остратки. Такого там давно не бывало, сопротивления ошеломленный народ не оказал. Пока прочухались да забегали — мы уже по коням и на простор. А денежки лишними не бывают. Нужно щедро подогреть добрых людей, которые к тебе тянутся всей душой. И ничто не греет их души лучше, чем деньги, особенно вожделенные царские и советские золотые червонцы.

Вот они, те самые добрые люди. С трудом уместились почти три десятка человек в просторной глиняной мазанке в степи. Мы сами себя обозначили как вольный съезд с незатейливым скромным названием «Великая Украина».

Расселись за длинными столами, составленными буквой «Г», люди: бородатые и гладко выбритые, цивильно или по-крестьянски одетые, чавкающие и заглатывающие стакан самогоночки-горилочки

или чинно тыкающие вилкой в капусту и поднимающие рюмочку непременно с тостом «За свободу и волю». Это мои соратники. Бандподполье.

Горилка уже начинала кружить буйные головушки. Один из делегатов, глянув на внимательно смотрящего на него черно-белого героя Гражданской войны Семена Буденного, затаившегося в застелившей стол газете, нервно икнул и вонзил в него нож:

— Курва!

Сегодня на Украине, особенно на западе, редко где найдешь место, возле которого не завелась бы своя банда. Обычно хлопцы больше прятались, чем воевали, серьезной силой не являлись, поскольку раздроблены и разобщены. Этот недостаток я и исправлял по мере сил, наводя между ними связи и сплачивая в единое целое.

Кого только не притягивала «Великая Украина». Кулаки, разбойники, бывшие петлюровцы, сечевые стрелцы, анархисты, белогвардейцы. Забытые и вновь воспрявшие персонажи времен вольницы Гражданской войны и Польской кампании. Разбуженные коллективизацией и стоном раскулачиваемого и сгоняемого в колхозы народа, они выкопали из захоронок винтовки и обрезы.

Конечно, масштабы далеко не те, что после революции. Тогда в бандах воевали тысячи. Сейчас десяток сабель уже величина, да и тем приходится все время хорониться, бежать. Потому как за ними охотятся. Против них воюет уже состоявшееся го-

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

сударство, а не просто Советы рабочих и крестьян, только взявшие власть.

Я у всей этой братии теперь Указчик. Это, конечно, не атаман, который «что хочет, то и ворочит». Это скорее такая указующая длань. Почему такая честь досталась именно мне, прибывшему из далекой Сибири, неприлично молодому, да и не бывавшему в этих краях уже лет пять, хотя многие из предков выросли корнями в малоросские земли? А кому же еще? Пока эти борцы за покой и волю шупали деревенских баб да шумно грозились перебить активистов и зернозаготовителей, я занимался грязной и шумной работой. То есть террором.

Один за другим я неотвратно выщелкивал врагов Украины и прочих большевиков. То из-за засады пристрелим супостата. То домой к наиболее опостылевшему комиссару завалимся. И разговор короткий: пуля — и конец, делу венец. Так за мной утвердилась репутация готового на все и не боящегося никого народного героя.

Несколько месяцев, что мы ведем активный террор, нам удавалось успешно уходить от поднятых на наш розыск и ликвидацию бойцов ОГПУ, милиции и армии. Товарищи большевики в поисках нас носом землю рыли, но находили там только «желуди», то есть цепляли всякую мелочь. Мой же отряд просачивался как вода через решето.

Хотя Украинская Республика и наводнена людьми в форме, которыми эффективно проводились массовые мероприятия по околхозиванию и рас-

кулачиванию крестьян, уходить на этих просторах, скрываться и отлеживаться удавалось на удивление легко. Огромная часть населения готова была дать убежище «захисникам (защитникам) Украины», тем более тем, которые против колхозов и комиссаров бьют. А еще когда этот «захисник» деньги дает. И плюс к этому обещает жестокую месть предателям... Так что прятались, хоронились, выходили на цели мы без особых проблем.

Также без особых проблем удалось создать агентурную сеть в более-менее приличных населенных пунктах, систему связи и оповещения. Деньги и ненависть части населения как к советской власти, так и к Москве творили чудеса. Правда, и помогли мне некие благодетели тут очень хорошо, но это уже совсем другой разговор.

Еще нужно пояснить, что тянулось бандподполье не столько ко мне, сколько к моему оружию. Прошел слухок, который я не опровергал: у Указчика есть доступ к заныканным еще Петлюрой секретным оружейным складам. Там и винтовки, и пулеметы, и даже артиллерия. Хватит, чтобы кацапов скинуть хотя бы в нескольких районах, «освободительную власть» там установить, а потом начать эту земельку по разуму делить.

Время от времени приходилось устраивать вот такие сходы «Великой Украины», рискуя каждый раз, что информация о них утечет в ОГПУ. На этих пьяных сборищах думы думали об Украине, о ее

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

светлом, свободном от москаля, грядущем и — самое сладко-мечтательное — о распределении будущих должностей. И еще меня постоянно вопрошали, когда делить будем петлюоровское оружие, а потом и саму Украину. Обычно от наполеоновских планов я отбrehивался чем-то многозначительным:

— Промедление, как и ранний старт, одинаково губительны для восстания. Пока еще рано. Но когда придет момент, все должны встать в ружье. Не медля и не сомневаясь.

— За нас не беспокойся! Мы всегда, — звучали пылкие заверения. — Только оружие нужно! Оружие! Оружие!

Вот и сейчас заседание проходило в обычном русле, в томном блаженстве от обилия дармовой выпивки и жратвы. А тут я еще для полноты ощущений вывалил сумку с награбленными деньгами и объявил торжественно:

— На поддержку отважных борцов!

Секунда онемения. А потом ликующие вопли и сладость дележки. Пусть досталось каждому не так уж и много, но ведь досталось. Это такой прозрачный намек: с Указчиком не пропадешь.

Во время всей этой суеты в уголке сидел насупленный худошавый субъект, уже седой, в возрасте, неприлично интеллигентского вида, в круглых «очках-велосипедах», и взирал на всех осуждающе. Он был из вечно недовольных революционеров. Воевал и с царизмом, и с УНР, и с гетманом, теперь воюет с большевиками. Чудом остался жив. Готов воевать

и со мной, со временем, если я взлечу высоко. Но пока мы союзники. И по нашей договоренности в самый сладкий момент дележа денег он ввернул свое веское слово:

— Господа, вам не совестно?!

Собравшиеся посмотрели на него с недоумением. Похоже, этот гнусный тип решил выдернуть их из такого приятного состояния благосостояния и спустить с небес на землю. Мол, праздник помни, да будни знай.

— Пьем! Делим награбленные деньги! — вдруг неожиданно громогласным, уверенным голосом зарокотал «интеллигент».

— Экспроприированные, — поправил я.

— Один черт ворованные! И забыли, кто мы, зачем мы? А сейчас гибнут от чекистских пуль наши братья!

— Это ты про Коновода? — хрумкнув огурцом, скептически посмотрел на «интеллигента» здоровяк, похожий на обросшего шерстью низколобого древнего человека, какими их рисовали в школьных учебниках. — Сам себе виноват. Ибо неча без общества в печку лезть. Когда некому холодной водички подлить, так и спечешься.

Суть проста. Два дня назад прискакал гонец со Златопольского района, что на юго-западе Украины, где вспыхнуло народное восстание. Началось с попыток селян вернуть из колхоза коров. Сельские власти им это сделать не позволили. Тогда бабы подняли крик и визг. К ним присоединились мужики

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

с вилами. Понесся ласкающий ухо селянина клич: «Бей Советы!» Вот и забили всей ватагой насмерть председателя сельсовета и уполномоченного по зернозаготовкам. Народ в селе был ушлый и боевитый, поэтому поднятое по тревоге ОГПУ наткнулось на вырытые траншеи и стройный ружейный залп. Потом подошли войска, с которыми биться — гиблое дело, и в окрестные леса, с вилами и ружьями, убежало несколько сот мужиков. Так бы они и маялись неприкаянно между березками и елями, пытаясь понять, что на них нашло и чем все это грозит, но тут появился Коновод.

Личность эта примечательная и известная в узких и широких кругах. Тоже «захисник Украины». Прямо как я, скрывающийся по норам и подтачивающий фундамент новой власти, только пожиже. Не числилось за ним столько громких дел. Но сейчас, пользуясь оказией, он решил засиять на небосклоне яркой звездой. Привел своих людей и возглавил восстание.

Это была одна из причин экстренного «заседания общества», о которой за горилкой и салом все как-то забыли. А гонец спокойно сидел в углу и не спешил лезть поперек батьки в пекло. Зато вопрос поднял «интеллигент».

В помещении возник ропот, перерастающий в гвалт. Большинство собравшихся вполне устраивали и выпивка, и деньги, и разговоры о Свободной Украине. Однако воевать особо не хотелось нико-

му. Но тут нарисовалась наиболее активная группа во главе с «интеллигентом», которая заразительно звала к топору.

— Как будем друг другу в глаза смотреть?! — про-
рокотал «интеллигент».

— А на хрена мне твои глаза? — хмыкнул «древ-
ний человек» и хрустнул очередным огурцом.

Но постепенно одержимость активистов сделала
свое дело, и стал побеждать решительный настрой.
Горилка била в буйные головы.

— Помочь надо! — завели хором беглые кулаки.

— Не сдюжим, — возражали городские. — Коно-
вод себе все одно шею свернет.

— Ну и пускай. Мы вовремя уйдем. Зато обид
народных побольше будет. А обиды что хворост:
оглянуться не успеешь, как костерок запылится. Так
и сгорит эта бесова власть! — крикнул кулак.

— Любо, — громогласно проревел тучный казак.

— Любо, любо, — скривившись, крякнул «дикий
человек».

Потом крики. Нестройное «ура».

И неожиданно повисло молчание. Все устави-
лись вопросительно на меня. Мол, руководи, зря,
что ли, мы твою горилку пьем и деньги с тебя берем?
Тем более в военных делах вроде как специалист.

Я нехотя кивнул:

— Дело опасное. Кровавое... Но делать надо!

— Надо!

— Все как один!

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

— Только не я вас подбил на лихое дело, — осторожно произнес я. — Так что в случае чего и спросом не грозите.

— Любо! — шарахнул стаканом о стол казак, так что самогон расплескался мутной жижей.

Ну, любо так любо. План действий я продумал заранее и начал излагать его. Многие тут же трезвели. У других физиономии становились кислые. Но назад сдать уже никто не смел. Бунт так бунт — бессмысленный и беспощадный...

ГЛАВА 3

В центре площади возвышалась наспех сколоченная корявая виселица, на которой с мерностью метронома покачивались два тела. Здесь же наличествовал двухтумбовый тяжелый богатый стол с искусной резьбой. Скорее всего, его привезли в эти глухие края в революционные голодные времена, когда деревня азартно грабила город и за мешок картошки можно было выменять все фамильные драгоценности и норковое манто в придачу. Сейчас на стол вскарабкивались пламенные и голосистые ораторы. А вокруг бурлила и пенилась кипящим молоком перегретая толпа.

— Не будем под большевиками! — слышались отчаянные и полные решимости крики.

— Нам такой советской власти не нужно!

— Это не власть, а бандиты. Она нас ограбила и забрала все!

— В Польшу все уйдем!

— Вместе с землей!!!

Вокруг «постамент» стоял с десяток очень серьезных мужиков, в перепоясанных ремнями рубашках навывпуск, справных сапогах, мятых картузах. Они исподлобья осматривались кругом. Кто-то из них сжимал винтовку, а кто-то обрез.

А за ними застыл в гордой позе невысокий, гладко выбритый мужичонка лет сорока пяти. Одет он был в вышиванку, поверх которой накинута длинная, почти до колен, кожаная куртка. Хотя было жарко, но он, судя по всему, жары не ощущал, наоборот, время от времени зябко и болезненно ежился. На злом, изборожденном оспинами лице читалось наслаждение происходящим. Вот он, Коновод. Вдохновитель всей бузы и на этот момент любимец местного народа. Эдакий племенной вождь.

Вопли становились все громче. А выкрики все радикальнее. Толпа привычно заводила сама себя:

— Геть комиссаров!

— Повесить учителя!

— Так он сбег!

— Тогда домохозяйку его повесить! Приютила змею!

— А давай!

— Она же тоже сбегла!

Нормальный такой бунт. Виденный мной не раз. Здесь царит иррациональная ненависть. Полное равнодушие к чужой жизни. И неутолимая жажда поиска врагов, с которыми надлежит разделявать-

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

ся максимально жестоко, хоть на куски резать. Не один же бунтуешь, в толпе. А толпа — она такая, как добрый поп: все грехи спишет.

Я, ледоколом раздвигая спаянные льды толпы, устремился к предводителю народного гуляния. За мной в кильватере двигались Одессит и Петлюровец. Первый был весел, наслаждался кипением страстей. Второй, наоборот, угрюм, насторожен, рука его лежала на кобуре. А справа от меня вышагивал, как павлин, добрый хлопец Тараска, гонец, которого Коновод посылал ко мне за помощью. Благодаря ему наш небольшой отряд и запустили в село, даже не попытавшись для порядка пристрелить.

Охрана предводителя, завидев нас, потянулась к оружию и сомкнула ряды. Но тут я гаркнул:

— Осади! Своих не признали?! Я Указчик!

Теперь на меня соизволил обратить внимание сам Коновод. Ожег недобрым взором. Шагнул навстречу, грубо раздвинув своих архаровцев... И кинулся обниматься.

— Знал, что на помощь придешь! — приговаривал он, охаживая меня ладонями по плечам. — И народ приведешь!

— Ну так куда ж денемся, — скромно отвечал я. — Против Советов дружить надо!

— Надо, — как-то гулко произнес Коновод. Понятно, что дружить ему со мной вовсе не хочется, потому что сразу ставится вопрос о старшинстве, но обстоятельства обязывают. — Пошли в мой штаб.

Думу думать будем, как именно подсобишь в общем деле.

— И решим заодно, зачем мне это надо, — добавил я.

Штаб размещался в сельской библиотеке, именуемой избой-читальней. У входа расположилась толпа в гимнастерках, некоторые с ружьями, на фуражках некогда сияли красные звездочки, но их выдрали с мясом. Это были новообращенные и рассказавшиеся, искупающие вину перед украинским народом, то есть перешедшие на сторону восставших, бойцы красноармейской территориальной роты. Своего командира они успешно расхлопали. Еще двоих комсомольцев казнили с таким сладострастным удовольствием, что, глядя на это, при первой возможности треть роты сбежала. Оставшиеся постановили идти под начальство батьки Коновода и биться за него до конца.

В избе даже не успели убрать все идеологические атрибуты, так что с портрета на стене укоризненно взирал Карл Маркс, а на полу были разбросаны советские газеты.

Натюрморт тут был привычный для таких сборищ. Несколько столов составлены вместе. На них разложена жратва и выставлен самогон. Трое оголодавших «детей Украины» с ряхами, которые за день на бричке не объедешь, сосредоточенно угощались.

— А ну вон отсюда, дармоеды! — рявкнул Коновод неожиданно зычным голосом.

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

И жрунов как ветром сдуло. Мы остались в избе вдвоем.

— Смочи горло, — кивнул Коновод на литровую бутылку самогона. — Под амброзию и разговор веселее.

— Нет, благодарствую. Когда в деле, я не пью, — отрицательно покачал я головой, примостившись на лавку.

— Ну и правильно. — Коновод вдруг резким движением смахнул бутылку со стола, так что она упала и покатила по полу, расплескивая мутную жидкость. Вытащил из кармана кожанки серебряную флягу и приложился. Я ощутил запах коньяка.

Он сунул флягу обратно в карман и на миг замер, оловянными глазами смотря куда-то впереди себя, в одном ему видимую даль. А я смотрел на него, осмысливая первые впечатления, которые бывают часто самыми верными.

Павло Христюк, поначалу прозван был Христосиком, но постепенно его стали величать уважительно — Коноводом, что означает нечто вроде предводителя. Насколько о нем был наслышан, это такой рафинированный продукт Гражданской войны, вся его суть огранена ею, там он был сотворен как лидер и без нее он себя не мыслит. Побывал на службе у всех участников азартной игры по дележке и реформированию Украины. Прислуживал гетманам и немецким оккупантам после Брестского мира. Командовал отрядом у «зеленых» — бандитов атамана Зеленцова. Повоевал у Петлюры,

Махно. Одно время даже прибился к красным, но не прижился: те слишком сдерживали неуправляемые порывы его души. Так и штормило его от угла к углу, пока не вбилась накрепко и бесповоротно в его башку идея о самостоятельности Украины, которой мешают жить, — и далее по списку: «комиссары, поляки, москали, жида и прочие, прочие, прочие».

Когда война затихала, не брезговал он контрабандой и бандитизмом. Сновал между Польшей, Румынией и Украиной. А в прошлом году возник в виде заступника обижаемых Советами раскулаченных крестьян.

Страшно ушлый и неестественно живучий. Только в этом году пару раз попадался в засаду ОГПУ и успешно уходил, оставляя за спиной убитых соратников. Притом в последний раз, в феврале, пристрелил своего двоюродного брата, которого посчитал предателем, устроившим ему ловушку. Был страшно подозрителен и скор на расправу. И с таким кровососом мне предстояло искать общий язык. Потому как нужно. А нужда и цепи рвет.

— Сдвинулся народ с места! За правду поднялся! — неожиданно нарушил молчание Коновод, и в его голосе звучало крайнее воодушевление.

— Ну а вешать-то зачем сразу? — сказал я, припомнив ему два тела, болтающихся в петлях на площади.

— А что ты против имеешь? — подозрительно посмотрел на меня Коновод. — Краснопузых жалеешь? Так про тебя другое говорят.

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

— Я сначала думаю, а потом в расход. А не наоборот.

Тут неожиданно и с готовностью Коновод взъярился:

— Ты никак разлагать прибыл?! Ты за кого вообще?!

— Помочь прибыл. Не нужен, так и говори прямо. Мы себе другое занятие найдем. По душе и по совести.

Коновод глубоко вздохнул, возвращая себе самообладание. Он с трудом улыбнулся, при этом улыбка больше выделась гримасой, примирительно произнес:

— Ну не ершишь, все мы тут ершистые. Где твои люди? Или вы втроем прибыли, помощнички?

— Еще четыре десятка сабель в Даниловке. Ждут итога переговоров.

— Не густо, — разочарованно протянул Коновод.

Тут я был с ним согласен. Вспомнился последний «съезд» «Великой Украины», когда судили-рядили, какие полчища послать на помощь восставшим крестьянам. Так азартно шумели, судили и рядили, что я грешным делом думал — минимум дивизию соберут, с которой и Москву осадить недолго. А как до дела дошло, то у одного теща болеет, у другого королева не доится, у третьего вообще страшный недуг — обширное воспаление хитрости. В результате с горем пополам собрали три десятка человек, да и то в основном из тех, кто по лесам от переселения хоронился да за бандитизм разыскивался. Уверенности

в них у меня не было ни на грош, хотя и попытался сколотить из них за время, пока добирались, что-то похожее на подразделение. По-настоящему рассчитывал только на свою добрую шайку. А нас десятеро. Зато каких!

— Зови их сюда, — сказал Коновод. — Разместим. Накормим. А завтра поутру все и уходим.

— Куда? — поинтересовался я. — И зачем?

— Не сидеть же здесь сиднем на одном месте. Пойдем активистов казнить да Украину на смертный бой поднимать...

ГЛАВА 4

Вторую неделю я петляю в составе бузотерского войска по лесостепям. Нигде долго не задерживаемся. Всего нас сотни две. Часть движется длинным табором по жаре, другие в конных разъездах и разведке. Разведка — это главное. Не дай бог наткнуться на силы большевиков, которые рыщут везде по нашу душу.

Украина — это бескрайние просторы. Густые леса. Обширные степи, плотно перепаханые полями и стиснутые хуторами, местечками, зимовниками, приселками, селами и городками. Вишневые сады и абрикосовые деревья. Утопающие в зелени белоснежные глиняные мазанки, деревянные домишки и редкие каменные дома, а еще стоящие в стороне от поселений мельницы, большая часть которых с началом коллективизации работала нелегально.

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

Крестьян здесь куда больше, чем земли, поэтому уже несколько лет Всесоюзный колонизационный фонд в массовом порядке переселяет добровольцев в различные регионы РСФСР, где щедро отмеривает наделы. Но местами здесь все еще безлюдно и безжизненно.

Щедрая, обильная и вместе с тем бестолковая земля с вечно бурлящим и булькающим, как котелок на костре, народом, выкованным турецкими, польскими и австрийскими притеснениями, отточившим характер в вечных грабежах и набегах на соседей. Здесь безудержная лихая вольница испокон веков жила рядом с бессловесным рабством.

Эти места прекрасно подходят для хорошей бузы и хитрого маневра. Расстояния огромные, в которые не раз уложится иная крупная европейская страна. Стоит углубиться в сторону от железных дорог, как слабая транспортная связанность, отсутствие нормальных путей дают возможность месяцами шататься по окрестностям, уходя от преследования многократно превосходящего тебя противника. Чем мы и занимались. Ощущали себя как степняки тысячу лет назад, во времена хазарских набегов: конь под седлом да степной простор впереди. И идешь вперед огнем и мечом.

Схема действий у нас отработана. Заходим в населенный пункт. Сразу же пытаемся захватить органы власти и актив, если они еще не сбежали. Будоражим народ и зовем на митинг. Куда же без до-

брого митинга в стране, пережившей Гражданскую войну и несколько революций?

Обставлялись эти митинги с помпой. Коновод умудрился даже войсковой оркестр организовать. Правда, хиленький — всего лишь полковой барабан да две трубы. Музыканты обычно наяривали какие-то странные марши, фальшивили душераздирающе, но явно прибавляли нам солидности и уважения у простого народа. А в конце азартно и бестолково выдавали гимн недолго царствовавшей после революции в этих местах и удачно скончавшейся в корчах Украинской Народной Республики. Слова там жалостливые и грустные. «Ще не вмерла Украина, и слава, и воля» и прочая чепухень. Иногда народ подпевал, но не особо стройно.

Коновод читал указы «Народной влады», выкрикивал громкие призывы. Звал под ружье. Правда, ружей было мало. Все же края земледельческие, а не охотничьи. Перешедшая на сторону восставших красноармейская рота, конечно, помогла с винтовками, но ее пулеметы еще до бунта были вывезены на пристрелку в дивизию, что лишило нас серьезной огневой поддержки.

Восстание текло ни шатко ни валко. В народе было больше крику, чем желания воевать. Те бунты, которые я видел до этого по всей стране, проходили как-то задорнее, с огоньком, без оглядки назад. А здесь бунтари будто что-то выгадывали, продумывали — а чего будет? Нет, так настоящие бунты не делаются. Если уж несет вперед лихая судьба,

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

так на всех парах, как разогнавшийся паровоз, не остановишь. Да и под ружье крестьяне становиться не спешили. Кроме, конечно, очередников на раскулачивание, потенциальных жертв ОГПУ и ничемных деревенских бездельников, которым всегда лучше воевать и мародерить, чем сеять и пахать.

Были места, где нас принимали мрачно, недоброжелательно, подчиняясь лишь грубой военной силе, а иногда даже оказывая сопротивление. В других мы были как родные, которых ждали давно и безнадежно. Там на митинге царил восторженный гвалт, который переходил в безоговорочную поддержку народного защитника Коновода и в обструкцию колхозов. На этой чувственной волне приходило время сведения счетов с «пособниками большевиков», в которые селяне обычно записывали своих давних недругов-соседей вне зависимости от их политических воззрений.

И обязательный пункт программы — грабеж колхозных запасов. Наиболее ценные вещи и денежные средства Коновод реквизировал на «боротьбу за ридну нэньку Украину». Так что всяким барахлом пополнялся наш и так уже непозволительно длинный и жирный обоз.

Этот самый обоз сковывал темп продвижения и подставлял нас под угрозу. Коновод понимал это, но поделаться ни с собой, ни со своими архаровцами ничего не мог. Подводы с награбленным добром — куда же без этого? Банда не поймет. Была вполне реальная возможность, что все его войско, начини

его ограничивать в праве пограбить, просто разбежится. Грабеж — это святое.

Конечно, самой зажигательной частью этого концерта, по идее, должна была становиться расправа над проклятыми большевиками, то есть над активом, учителями, колхозниками. Но те, не будь дураками, при подходе нашей ватаги предпочитали скрываться, хорониться в лесах и не отсвечивать. Так что пока, кроме той виселицы, которую я увидел по прибытии в войско, никаких казней не было. Правда, пристрелили несколько человек, пытавшихся встретить нас огнем. Но это военные перипетии. Зато пороли нещадно по указанию Коновода всех тех, кто помогал «нехристям», отправляя детей в советские школы и послушно идя в колхозы.

Вечером в штабной хате в очередном сельце, пребывая в тягостных раздумьях, Коновод был мрачен. Он молчал, глядя куда-то перед собой. Потом отхлебнул из фляжки коньяка — эта волшебная жидкость там никогда не переводилась. Ударил ладонью по столу:

— Уплывают окуни красноперые от народного гнева! Хоронятся тли колхозные! Даже повесить некого!

— Да зачем тебе кого вешать, Коновод? — поинтересовался я.

— Ты не понимаешь, молод еще. Хорошая буза должна быть обильно смазана кровью врага.

— Знакомое дело, — кивнул я. — У уголовников принято друг друга кровью вязать.

— Так у всех принято!

А потом впереди замаячило село Вахановка. Тут Коновод изменил своей обычной неторопливой тактике подхода и захвата безоружных населенных пунктов. Конники осторожно пробрались под утро, перекрыли все выходы из села. В нашей ватаге были люди оттуда — скрывшиеся от переселения семьи кулаков. Так что где и кого вязать — расписали в подробностях и с видимым удовольствием. Потому всех сельских «большевичков» взяли тепленькими.

Улов был знатный. Человек пятнадцать набили в просторный деревянный дом, бывший раньше лабазом, а теперь заготконторой. И приставили охрану в пару бойцов, чтобы кто не убежал.

Коновод просто сиял, как начищенная медная пряжка. Наконец-то появилась возможность возделенного щедрого жертвоприношения на алтарь Свободной Украины...

ГЛАВА 5

Хозяева богатого кулацкого имения были недавно решением районной особой комиссии по раскулачиванию выселены в Центральное Нечерноземье. Потом здесь недолго была сельская школа, о чем напоминал глобус на полке. Теперь здесь располагался штаб. Несколько столов были составлены вместе. И в центре возвышался в тяжелом кресле Коновод, лучась величием.

Штаб состоял из нескольких «ближников» Коновода. Предводитель всегда напирал на то, что это не просто сборище бунтовщиков, а будущее правительство. Так что себя в кулуарных разговорах он требовал именовать директором, а своих подручных называл не иначе как «министры». Притом не в шутку, а на полном серьезе.

Ну что тут скажешь. Имелась у него мания величия. Впрочем, это нормально. Такое профессиональное заболевание часто встречается у пламенных предводителей смут и мятежей, они постепенно начинают себя считать центром мироздания и страшно обижаются, когда это самое мироздание оборачивается к ним холодной кирпичной стеночкой и подает голос приказом командира расстрельной команды: «Пли!»

Сейчас в штабе обсуждали, что делать с задержанными активистами.

— Вешать будем, — растянул губы в мечтательной улыбке Коновод.

— А как? Всех зараз или поодиночке? — лениво осведомился «ближник» по кличке Сердюк — добродушный с виду, нагулявший жирку, с хитрыми свинячьими глазенками. Был он когда-то офицером контрразведки в Войске Донском у атамана Краснова и прославился еще тогда свирепой жестокостью, которую не собирался усмирять и сейчас. Его определили в «министры внутренних дел». Он отвечал в шайке за разведку, контрразведку и под-

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

держание войскового порядка, а также за расправы. Работал с энтузиазмом, любил свое дело.

— Всех. Разом. Чтобы по мозгам селянину ударить. Чтобы знали, чего их свобода стоит! — раззадоривал себя Коновод.

— Это чего, как водицу кровь лить? Без разбирательства? Не по-божески так, — заворчал Батько, правая рука Коновода, которого он именовал не иначе как «первый министр». Это был классический малоросс, напоминавший гоголевского пана Голову. Огромный, пузатый, усатый, при любой возможности становившийся жутко ленивым старый вояка. Рассудительный, в меру набожный, спокойный, упрямый, без свирепости, а порой и добродушный. Однако если его вывести из себя — прячьтесь по щелям, достанется и правым, и виноватым. Его уважали и побаивались все. И в глазах у Коновода при взгляде на него часто вспыхивало ревностное чувство и угроза. Может статься, что и не уживутся два медведя в одной берлоге. Только мне до того дела нет.

В помещении повисла тишина, и Коновод угрюмо вперился взором в Батько. Ну что, поддержим гуманиста?

— Вешать? — спросил я недоуменно. — Вот так сразу петлю на шею?

— А что, предлагаешь их курочкой жареной сперва попотчевать? — зло осведомился Коновод, переключаясь на меня. — Большевистские отродья! Заслужили с лихвой!

— Да я не против справедливости и возмездия, — поспешил реабилитироваться я в глазах «общественности». — Только...

— Что «только»? — в голосе предводителя прорезались истеричные нотки.

— Народ привыкнет к произволу, Коновод. Как потом в порядок его загонишь?

— Ты о чем это?

— Да чтобы нас властью посчитали, все должно быть по закону. Суд надо чинить, хотя бы видимость его. А для этого орган нужен. Судьи. Обвинение. Процедура. И только тогда вешать...

— Чего? — непонимающе возрился на меня Коновод. — Какой к лешему суд?!

— Что тебя так удивляет? Разбирательство по всем правилам. Заодно и соучастников эти смертнички сдадут. Так что по-любому отоляются медведю коровьи слезы. И народ нас зауважает. Кстати, можно не всех в ноль вывести. Кого-то сподручнее в качестве заложника использовать, если с большевиками вдруг торг затеется.

— А Указчик дело говорит, — поддакнул Батко. — Народ, если распустится от вседозволенности, потом в стойло не поставишь. Так и нас на вилы поднимут, если правил не станет. Люди должны видеть, что рука у нас крепкая, но праведная.

Коновод поморщился. Откинулся на спинке кресла. И государственно задумался. Все это время сохранялось благоговейное молчание. Главный —

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

«в мыслях», не приведи господи ему в такой торжественный миг помешать.

Потом он нехотя произнес, обращаясь ко мне:

— Прав ты, Указчик. Где только такого набрался? Молод же еще.

— Рано учить начали, — усмехнулся я.

— Будет национальный трибунал! Только им не понравится. Когда просто на виселицу, у народа прощение можно вымолить, глядишь, сердобольные найдутся. А уж если бумага будет — против нее не пойдешь! — Коновод взбодрился, прикидывая, какие выгоды можно извлечь из новой постановки вопроса.

После этого заключенным сообщили, что власть украинская добра. Крови не жаждет. И будет судить их по закону. А чтобы kota за хвост не тянуть и брожение лишнее не вызывать, то утром и приступят.

Поскольку трибунал должен был быть народным, то следовало в него включить и судей из народа. В «народ» вошел беглый кулак, вернувшийся домой с нашей ватагой, и еще парочка наиболее ярых да обиженных властью.

Темнело быстро. Я проверил своих бойцов, прежде всего их наличие и несение службы. Дезертирств не случилось, все были на месте, даже не сильно пьяные. Оставшись довольным, я отправился спать.

Моей личной шайке выделили просторную хату. Но для десятерых там все равно было тесно и душно. Да и сон никак не желал посетить меня и по-

дарить хоть немножко сладкого забытья. Грудь то-скливо сжимало.

Я осторожно, чтобы не разбудить соратников, выбрался на улицу и оперся о плетень. Смотрел на круглую луну, волшебнo серебрящую все вокруг. Колдовство этого света приходило в вопиющее противоречие с грубым и жестоким окружающим миром.

Вскоре рядом со мной пристроился Петлюровец. Он шегольски задымил папиросой «Крестьянка», которые у него никогда не переводились. И тоже молча всматривался в тихую украинскую ночь, замороженно глазел на луну. У спутника Земли вообще есть такое свойство — завораживать, притягивать и пугать. Недаром волки воют именно на луну.

— Слушай, Борис Александрович, — задумчиво произнес я. — А может, там, на Луне, обитают такие же люди, как мы. Только живут без войн и потрясений.

— Без войн и потрясений, — протянул Петлюровец. — Ну, значит, это не люди.

— И правда, — кивнул я. — Да и как там выжить? Там нет воздуха. А без воздуха никуда.

Да, без воздуха никуда. Его мне сейчас и не хватает. Как будто сперло все, стиснуло грудь.

Вот я люблюсь на пейзаж. А совсем рядом полтора десятка человек ждут неминуемой жестокой смерти, пусть и обставленной под суд. На меня явственно повеяло гнилым запахом Гражданской войны, голодом, болезнью и смертью. Опять жизнь

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

человеческая не стоит ничего и одним словом посылаются на смерть люди, одним жестом руки дают отмашку на возведение виселиц и расстрелов. Как же мне тесно и душно! И как же тоскливо от невозможности ничего изменить! Ведь все должно идти своим чередом. И прийти к закономерному финалу...

ГЛАВА 6

Утро началось со стрельбы и истошных криков во всю ивановскую — так обычно вопят раненые или ужаленные. Что там? Неужели нас настигли части ОГПУ? Ну тогда сейчас начнется знатная мясорубка. И стоит пошевеливаться, если хочу выжить и вывести своих людей без потерь.

Я вскочил. Оделся наспех. Схватил оружие. И мы с Петлюровцем ринулись в центр событий.

Фокус страстей располагался на сельской околице, где под замком ждали своей участи активисты. Палили там не в кого-то целенаправленно, а в воздух. Орала от избытка чувств. Больше всех метался взбешенный Коновод, грозил окружающим страшными карами, обещал без разбора поставить к стенке по принципу «На кого бог пошлет».

— Что стряслось? — спросил я у Батько.

— Так активисты ночью утекли, — негромко произнес «первый министр», опасливо оглядываясь на Коновода. По-моему, его больше волновали